

Повреждено наводнением 23 Сентября 1924 года
Endommagé par l'inondation du 23 Septembre 1924

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ТОМ I

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ (ГЛАВНАУКА)
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО (ГОСИЗДАТ)

ЛЕНИНГРАД
1925

Каменные статуи рыб-вишапы на Кавказе и в Северной Монголии¹.

В прошлом году на одном из заседаний Яфетического Института Российской Академии Наук² Н. Я. Марр прочел сообщение «Согдийское кр рыба, вода (из яфетической палеонтологии)». В сделанном сообщении, пока еще не опубликованном, Н. Я. Марр прослеживает эквиваленты яфетического двухсогласного корня кр и различные его дериваты как в этнических названиях, так и в связываемых с ними по корню названиях из области животного царства, в данном случае с рыбою. Только небольшая часть исследовательской работы в этом направлении, часть, касающаяся Каппадокии и Кавказа (корень кр с падением kv), по связи их с этнической единицей кас'ов (кассигов) и тем же животным, рыбою, легла в основу появившейся в свет работы Н. Я. Марра «Каппадокийцы и их двойники»³.

Настоящая моя заметка не является ответом на обращенный Н. Я. Марром к исследователям материальной культуры вопрос о том «не известны ли им факты, выявляющие значение культа рыбы в Каппадокии с Катаониею и в пределах Кабарды . . . когда то населявшихся, если допустить правильность нашего анализа, пародами одного и того же происхождения»⁴. Моею целью является теперь лишь напомнить об одном уже хорошо известном случае яркого проявления культа рыбы в Закавказьи и напомнить установленный яфетидологами факт связи рыбы не только с давшим свое имя целой стране и морю (Кавказ и Каспий) племенем kas||кош, но и с другим хорошо на Кавказе, да и вне его, известным племенем kol

¹ Настоящее сообщение прочитано мною в заседаниях Яфетического Института Рос. Ак. Наук 27-го апреля 1923 г. и Разряда Археологии Кавказа и Яфетического мира Рос. Ак. Ист. Нат. Культ. 26-го июня того же года.

² В заседании 23-го сентября 1922 г.

³ ПРАИМК, II.

⁴ Там же, 334.

(kol-ġ ← skol || sku), то есть с колхами, сколотами || ски-амп. При этом я оставляю здесь без внимания совершенно необоснованное утверждение Х. Самуелиана, который, затронув весьма ответственный вопрос о тотемах населения Армении и причисляя к таковым до 37 животных, в числе их таких как зайца и лягушку, решительно отрицает обоготворение рыбы, находя это, к тому же, и естественным, так как рыба, по его словам, не обладала достаточною силою, чтобы внушать к себе уважение человека¹.

Затрагивая вопрос о почитании рыбы в Закавказьи и в частности именно в Армении, я имею в виду фактический материал, тот богатый материал, который дают как эпиграфические памятники, халдские надписи, указывающие на существование в пределах Эриванской губернии за много сотен лет до Р. Х. капища бога-рыбы, главы вишалов, Тешшбы, так и вещевые памятники, подлинные статуи из камня этих самых рыб, памятники архангелского Кавказа, обнаруженные Гарпийскою экспедициею на Гехамских горах Армении близ Севанского озера, и на этом материале обосновываю я дальнейшее мое изложение.

Гехамские вишалы, достигающие иногда более 4 метров, не возбуждают своею формою никакого сомнения в том, что мы имеем дело с каменною статуею рыбы. Особенно характерна голова с рыбьим глазом и жабрами, да и самая отделка камня явно отмечает округленные формы рыбьего тела. Эти памятники Гехамских гор украшены рисунком разного содержания. Сейчас отмечаю наиболее характерные из них, а именно свешивающуюся бычью шкуру, бараньи головы одна над другою и птиц, возможно алстов. Самая схема орнамента вполне подтверждает предположения открывших эти памятники Н. Я. Марра и Я. И. Смирнова о стоячем положении вишала головою кверху, так как рисунок идет не в горизонтальном, а в вертикальном направлении.

Творцами этих каменных рыб не могли быть халды потому, что первые ванские цари, проникшие в интересующий нас район, были Сардур и сын его Руса, из которых первый упоминает о стране Удуря-Эпуни², а второй говорит про храм бога вишалов (Тешшбы), но не про построение им такого храма, а про восстановление древнего культового места: ^ddeus ⁱТешшба ^m ⁱтемрлум ^{baduje} ^{indintubi} «бога Тешшбы этот храм разрушенный я восстановил»³. Следовательно, Руса сын Сардура, в VIII веке до

¹ Тотемизм в Армении, Вестник Научного Института Армении (на армянском языке), I—II, 1921—1922. С содержанием этого исследования я ознакомлен из доклада А. П. Генко, читанного 11-го сентября 1923 г. в Газряде Арх. Кав. и Яфет. мира Рос. Акад. Ист. Мат. Культ.

² Атамханская надпись, МАК, V, 115 стр. 7.

³ Севанская надпись из Келаны-Кирааны, МАК, V, 124, 130, стр. 17.

н. э., уже застал здесь храм вишапов, очевидно существовавший до его прихода в пределы Эгнуши.

Таким образом, с большим основанием можно приписать каменных рыб местному в то время населению, а не пришлым ванским завоевателям, воздвигавшим храмы своему богу Халду и имевшим Теншбу не на первом, а на втором месте своей божественной тронцы. Таким туземным населением могли быть этнушы, скифо-колхи и расены-урарты. Последние несомненно были в пределах Эриванской губернии по бассейну Аракса, до сих пор по-прежнему их этническое имя. К тому же, топонимика края, по свидетельству даже халдских надписей, содержит не мало расенских названий¹. Но, все же, сама область послала не расенское имя — Эгнуши, часть которой Удури-Эгнуши упоминается Сардуром около Атамхала², то есть у самых Гехамских гор, места нахождения каменных рыб-вишапов. Естественно, что внимание наше должно с особым интересом обратиться к этому этническому термину и что в нем можно ожидать разрешения вопроса о господствующей племенной среде. К сожалению, точного ответа на поставленный вопрос пока не находим.

Н. Я. Марр дает два возможных толкования термина Эгнуши (E-ti-un-i), основу которого ti возводит или к ten || tin с его аффрикатными разновидностями, ten || tin, следовательно к племенным названиям чапов-понов, или к ti → di, осложненным аффрикатами di || di и du || dgu, на высшей ступени sqi, то есть к скифам и колхам³. Если первое толкование, при условии отпадения плавного n в паузе, представляется наименее сложным и если Эгнуши является носителем понского названия, то все же пальчике колхов-скифов в его районе не отрицается ни топонимикой края, ни историческими сведениями о колхах, зафиксированное местопребывание которых отодвигается на запад, в район нынешнего Лазистана.

В то же время, в случае предпочтения первого объяснения разбираемого термина и признания принадлежности этнушов к числу понских племен, есть достаточное основание видеть в них палеологический слой на другое древнейшее население, слой уже железного века, потому что носители его поны, нужно полагать, позднейшие пришельцы в этом крае и несомненно являются таковыми в ближайшем сюда Припонтийском районе, где они покрыли собою когда то скифское население Колхиды. В таком случае, древнейшие памят-

¹ Н. Я. Марр, Надпись Сардура II, сына Аргиштиа, в Даш-Керти, ЗКМ, V—I, 6—10, 12—15.

² Атамханская надпись, МАК, V, 115. Относительно чтения Uduri — Етши см. Н. Я. Марр, Надпись Сардура второго из раскопок пиши на Ванской скале, Археологическая экспедиция 1916 года в Ван, изд. РАО, 1922, 45, ср. там же надп. III, 48.

³ Термин «скино», ЯС, I, 91—92.

пики должны принадлежать до попскому населению области, известной по халдским надписям под именем Этнуни.

Каждому из указанных племен, и скифам и попам, присущи свои животные, посящие пазвания одного корня с этническим именем. По данным лингвистических разысканий таковыми являются для ионов — копь, а для скифов — олень и рыба¹. И если анализ языковых материалов не дает пока явного перевеса ни одному из приведенных выше определений этнической принадлежности древнего населения области Этнуни, то материал археологический, в этом направлении, дает некоторые указания: в районе западного берега Севанского озера господствующее положение занимали этнуны, племя невыясненного происхождения, именем которых, во времена халдских пашествий, то есть в IX—VIII веках до н. э., называлась вся область от Севанского озера до Карса-чая, но в то же время не устраняется и наличие здесь расенского племени урартов, отложивших свое этническое имя в топонимике края и обоготворивших птицу, разновидность которой, анст, почитался священным у расенов-пеласгов², не отрицается и наличие здесь скифов-колхов, независимо от этнической принадлежности этнунов. Поэтому, естественно, что гибридное древнейшее местное население области, еще до этнунского периода если этнуны были попами, то есть колхо-расы или колхо-рахи (kol-rah, ср. халдское kaal-raqi, название города, может быть нынешнего Карса) воздвигло каменные статуи богов-рыб, украшенных птицами (аистами) и жертвенными животными бараном или быком. В этом случае, то есть при предпочтительном признании за этнунами ионского племени, а не скифского, лишь выявляется необходимость отнесения каменных вишанов Гехамских гор к предшествующему их господству периоду, и во всяком случае ко времени не ранее второго тысячелетия, так как этнуны уже известны халдам в самом начале первого.

Вопрос о взаимоотношениях птицы с вишаном уже давно затронут Н. Я. Марром: по его словам «близость птицы-паскупджа к змию-вишану, захватчику вод, хотя бы и враждебная, в нашей памяти, вызывает сочетание птицы с рыбою, рыбой-великаном, божеством вод, то есть архаичным вишаном, засвидетельствованное циклом скульптурных произведений с датой многих веков до Р. Х.,—вишанов яфетического мира, пока известных лишь в пределах Армении и Грузии и паходящих поддержку в клинописных текстах того же яфетического района на халдском языке»³.

¹ Там же, 92, 117.

² Н. Я. Марр, К вопросу о происхождении племенных названий этруски и пеласги, ЗВО, XXV, 333; S. Reinach, Cultes, mythes et religions, II, 243, III, 72—73.

³ Н. Я. Марр, Ossetica-Japhetica, ИАН, 1918, 2091.

Если столь ярко выраженные рыбы-вишапы действительно обнаружены пока только у Севанского озера, то все же круг их распространения не может ограничиваться даже одним Закавказьем. Дело в том, что не только вишапы с Мурджахета, Ахалкалакского уезда Тифлисской губернии, но и часть вишапов Гехамских гор отделяется от другой их части, от тех, в которых ярко выражены рыбьи формы. Мы имеем две разновидности: вишапов и вишапоидов, то есть пережиточных вишапов, сохранивших тот же орнамент, но уже со стилизованным глазом и жабрами на верхнем крае четырехугольного каменного обелиска. Однако, совместное нахождение последних с реальными рыбами-вишапами на Гехамских горах и одинаковая их орнаментовка объединяют обе разновидности в общую массу культовых памятников одного значения.

Такие вишапоиды могут быть прослежены и в других районах, например, на Северном Кавказе в курганных погребениях стапиды Усть-Лабинской и Зубовского хутора Майкопского отдела¹. Тут каменные статуи вдвое меньше гехамских, они не достигают и двух метров, и по внешнему виду в них усматривается форма рыбы только по сравнению с вишапами Армении. Так, на памятнике Зубовского хутора имеется рисунок двух видов: выпуклый и резной, из чего следует заключить об орнаментировании его в два приема. Аналогично находим и на гехамских рыбах-вишапоидах, на которых нанесенные резною техникою христианские кресты несомненно позднейшего происхождения. На зубовском камне резным способом изображены топор, меч и колчан, а выпуклым представлен рыбий глаз с одного края и животный орнамент с другого, причем характерный для такого рода памятников рыбий глаз повторяется ровно два раза в симметричной постановке на противоположных сторонах четырехгранного столба. Животный орнамент состоит из двух больших кругов, каждый с фантастическим зверем внутри, из цепи и дракона под нею.

Дракон на зубовском камне представлен в виде собаки с разинутой пастью, то есть морским чудовищем, о котором мне уже приходилось говорить в другом месте². Это яфетический гер, имя которого пережиточно сохранилось в живых кавказских языках³ со значением то «волка» (чавское *gweri*), то «змея» (мегрельское *gueri*). Родство волка || собаки со змеею проявляется не только в языках шипящей группы, оно, повидному, если не вообще яфетическое явление, то во всяком случае не единичный факт в язы-

¹ Ст. Усть-Лабинская, Отчет Арх. Ком. за 1903 г., 67; Зубовский хутор, Отчет Арх. Ком. за 1900 г., 39—40.

² Собака ← змея ← пода на архаических памятниках Кавказа, ЗКВ, I.

³ П. Я. Марр, Термин «скино», ЯС, I, 130—131.

ках сибиллянтной ветви, так как и в грузинском языке, как указывает мне Н. Я. Марр, термин волк || собака имеет архетипом эмсю. Это явствует из того, что армянское *gaul* волк должно иметь соответствием в грузинском *gwel* (*guel*), каковое и имеется в грузинском же, но в значении змеи (გუგლი), по типу закономерных соответствий, например арм. *taur* || груз. *twer* (в написании *tver*) и др. Следовательно, грузинское *gel* (გელი) волк восходит к грузинскому же *guel* змея, а не является простым заимствованным армянского (*gel* ←) *gaul* волк.

Этот гер хорошо известен по вещевым памятникам Северного Кавказа. Это тот самый дракон, один из вариантов чудовищного змия Руймона, которого цепью тянет на небо Иелиа. Между прочим, и что весьма важно, он рождает оленем, значит гибридизируется со скифскою племенною средой. На зубовском памятнике, как уже указано выше, гер и рядом с ним помещенные животные представлены рельефно и по технике расположения рисунка родственны рыбьему глазу в верхней части камня, тогда как промежуточный орнамент, изображенный резьбою, является для них посторонним. Отбросив резные фигуры, как то топор, меч и колчан, мы получаем вполне подходящий для вишапов рисунок и прежде всего имеем во всем целом рыбу, то есть вишала (змею — дракона — чудовищную рыбу), а на ней гера, значит собаку || вишала — змия, существо тесно связанное с племенем геров (иберов).

Самый памятник найден в Кубанской области, в названии которой Н. Я. Марр усматривает наличие определенного этнического термина *ku* ← *ko* из *kul* ← *kol*, то есть того же, какой лежит в основе племени колхов-скифов, значит опять-таки тех же скифов, или одну из их племенных разновидностей¹.

Различие гехамских вишапов и кубанских вишаповодов заключается не только в их размерах и внешней более или менее ярко выраженной форме рыбы, но и в содержании орнамента. Гехамские представляют собою сочетание рыбы и птицы (коло-рахп), тогда как кубанский имеет на рыбьем теле фигуру дракона || собаки (кол-иберы). Сходство же их в том, что оба они принадлежат к одному кругу вишапов, памятников культового значения, и при том не одного только погребального, потому что и под камнем Зубовского хутора не оказалось никакого погребения, из чего делается вывод о случайном его присутствии в кургане².

Некоторая оговорка требуется по поводу сочетания рыбы с птицею,

¹ Там же, 120.

² Отчет Арх. Ком. за 1900 г., 39—40.

которые оба, как ныне выясняет палеонтология яфетической речи, принадлежат одному миру верхнего или нижнего моря || неба. При таком мпропопимании допустимо совместное их помещение на культовых памятниках в пределах творчества одной и той же племенной среды, а не по причинам, вызванным гибридизацией. На это указывает, как будто бы, и то, что подобное сочетание мы, как увидим ниже, встретим и в районе Северной Монголии. Но, возможность наличия и здесь расенского племени вовсе не опровергается, хотя бы тем, что название части света as-ia (← *r¹as-ia) носит их же этническое имя¹.

В настоящее время вопрос о вишапах получает еще больший интерес с обнаружением нового материала. Слушатель Археологического Отделения Петроградского Университета, доктор А. П. Зельгейм, ознакомленный с гехамскими вишапами, обратил мое внимание на каменную статую с бросающимися в глаза очертаниями рыбы. Этот памятник происходит совсем из другого географического района. По любезно доставленным мне А. П. Зельгеймом сведениям, камень сфотографирован в 1913 году геологом П. Благовещенским в русском селении Турап, Урлихайского края Северной Монголии. Около 1908 года камень был перенесен к школьному зданию, а до того стоял верстах в двух от селения на холме широкой долины реки Уюка близ впадения в нее речки Турана на южных склонах Саянских гор².

Камень врыт в землю на 1½ аршина, остальную часть, в 2½ аршина, он возвышается над землею рыбьею головою кверху. В верхней части камня имеется ясное очертание рыбьего глаза, декоративно соединенного с жабрами, которые сплошную лептою отделяют глаз от остальной части орнамента. Далее, сверху вниз следует испорченная часть орнамента, а еще ниже фигуры птиц: три больших аиста, стоящих на одной ноге один под другим. Насколько можно судить по фотографии, в испорченной части орнамента, то есть под рыбьим глазом и под лищею жабер, представлено гнездо, под ним слабыми очертаниями выведен аист той же фигуры, как и предь-

¹ На последних, не опубликованных, работ П. Я. Марра по топонимике. Ср. as||oa ← гош в термине осетин, Кавказские племенные названия и местные параллели, труды КИПС'а, 5, 1922, 3.

² Об этом камне вкратце упоминают С. Р. Минцлов, Памятники древности в Урлихайском крае, ЗВО, XXIII, 303—304 и J. G. Granö, Archäologische Beobachtungen von meinen Reisen in den nördlichen Grenzgegenden Chinas in den Jahren 1906 und 1907, Journal de la Société Finno-Ougrienne, 1909, XXVI, 7. Снимок с камня был, как мне сообщил А. А. Миллер, помещен в одном из популярных иллюстрированных журналов Петрограда.

За доставление сообщаемых мною ныне сведений приношу искреннюю благодарность А. П. Зельгейму, спешащему, по моей просьбе, с проживающим в Череповце. П. Благовещенским, которому, равным образом, обязан я настоящею моею заметкою.

дущие, но меньше размером, а правее его совсем неясная фигура, напоминающая трех птичек одну за другою, как бы накрывающих друг друга, и в целом — апста с птенцами в гнезде.

Полного тождества гехамских вишалов с вишалом верховьев Енисея конечно нет, но тождество здесь невозможно и оно возбудило бы лишь сомнение в местном производстве памятника. Отсутствие такого тождества является более показательным, чем его наличие. Действительно, вешняя форма рыбы не та: туранский вишал сильно вытянут и сужается к закругляющейся рыбьей морде, и начертание птиц не то: на гехамских вишалах птицы стоят на обоих ногах и подняли клюв к голове рыбы, тогда как на туранском они стоят в более естественной позе на одной ноге, опустив длинный клюв. Но содержание памятников аналогично: вишал и здесь и там, и в обоих случаях украшен он фигурами птиц. Таким образом, на границе Северной Монголии, в верховьях Енисея, оказался культовый памятник с тем же взаимоотношением птиц к захватчику вод рыбы-вишалу.

Но это не все, дело в том, что туранский вишал не одиночен в Урянхайском крае: в том же районе Уюка можно проследить ряд стоячих камней, которые по отношению к туранскому будут такими же вишалоподобными, как северо-кавказские по отношению к гехамским. Эти камни воспроизведены в изданиях В. В. Радлова, А. М. Позднеева и J. G. Granö¹. Они, большею частью, четырехгранные и снабжены вверху двумя рыбьими глазами (кругами) на противоположных сторонах камня, имеют они и стилизованные жабры, изображенные то линией, то точками². Украшены камни надписями и разнообразными фигурами, весьма часто фигурами оленей, которые имеются также и на других сторонах упомянутого выше туранского вишала³, объединяемого этою своею особенностью и пальцем надписи со всею сериею привлекаемых сюда уюкских камней и каменных столбов, воспроизведенных в атласе Орхонской экспедиции.

Я не касаюсь здесь вопроса о пальцах на уюкских камнях — пережиточных вишалах также и надписей, вопроса о том: позднейшего ли происхождения эти надписи или современные первоначальной отделке камня, так как вишал мог преемственно сохранить свои формы и тогда, когда творцы

¹ В. В. Радлов, Атлас древностей Монголии, труды Орхонской экспедиции, 1892; А. М. Позднеев, Монголия и Монголы, 1896, I; J. G. Granö, ц. с. Литературою пользуюсь по любезному указанию А. А. Спицына.

² J. G. Granö, ц. с., Taf. I fig. 2—4, Taf. II fig. 6—7, Taf. X; А. М. Позднеев, ц. с., I, рисунки на стр. 217, 220, 229—231; В. В. Радлов, ц. с., таблицы IV, 5, LXXII, 1, XCVI, 4

³ Из письма П. Благовещенского к А. П. Зельгейму от 18 июня 1923 г. См. Inscriptions de l'Jénisséi, recueillies et publiées par la Société finlandaise d'archéologie, Helsingfors 1880, 15—16.

его дериватов уже познакомился с письмом. Во всяком случае не устраняется и то, что туранский вишал мог подвергнуться, как несомненно подвергались гехамские вишалы, одновременной орнаментировке, но в «глубокой древности» его не сомневается отметивший этот памятник С. Р. Мицлов¹. Покрытие туранского камня-вишала надписями, в случае их позднейшего происхождения, лишь свидетельствовало бы о том, что он осмыслен населением как принадлежащий к одной с его дериватами группе.

Культовое значение урянхайских вишалов явствует и из краткой заметки, брошенной А. М. Позднеевым при описании отмеченных им в долине Тэмэ-хўдзў каменных столбов. Местные жители, по его словам, чествуют «камень памятник», так как весь он оказался увешанным бараньими лопатками, написанными на веревочку², значит остатками того жертвенного животного, изображения голов которого украшают и гехамских вишалов. Приведу также указание Н. Благовещенского на то, что близ с. Туран есть озеро Тоджи-Куль, которое считается священным и в котором сойоты не позволяют русским ловить рыбу³. Какое то особое значение рыбы и священной водяной стихии пережиточно сохранилось в этой местности до наших дней. Как параллель, интересен и указанный мне Б. Я. Владимировым камень, замеченный А. Н. Казнаковым на берегу озера Долмо-нор по пути из Улан-даба в Кобдо. На камне высечены две стоящих на хвостах рыбы-змеи⁴.

Упоминаемые мною памятники Северной Монголии обычно называются «олешными», так как в орнаменте их усматриваются фигуры оленей, то есть тех животных, которые играли столь видную роль в культуротворчестве скифской племенной среды, и название которых, также как и название рыбы, лежит в самом ее имени.

Июль 1923 года.

И. Мещанинов.

¹ Ц. с., 303—304.

² А. М. Позднеев, ц. с., I, 217.

³ Из упомянутого выше его письма.

⁴ А. Н. Казнаков, Мои пути по Монголии и Каму, труды экспедиции П. К. Козлова, Монголия и Кам, II, в. I, 9.